

УДК 94(47). 04

**КРЫМСКИЕ ВЫХОДЦЫ В РОССИИ:
СЛУЖБА И ПРАВОВОЙ СТАТУС****Андрей Беляков**

Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ),
Рязанский филиал, кафедра «Философия, социология и история»,
127994, ул. Образцова, 9, стр. 9, Москва, Российская Федерация
E-mail: feb@gu.ru

Автор предпринял попытку обобщить все имеющиеся сведения о крымских выходцах в Русском государстве XV–XVII в. Рассмотрены выезды Чингизидов, как Гиреев, так и представителей иных ветвей рода, родоплеменной знати и «рядовых» татар. Предложена периодизация выездов: 1) последняя четверть XV в. – 30-е гг. XVI в.; 2) 80-е гг. XVI в. – начало XVII в.; 3) период после завершения Смутного времени. Сделаны выводы о том, что зачастую выходцы из Крымского ханства обладали большими возможностями, по сравнению с выходцами из иных территорий, для успешного встраивания в имеющуюся модель служилого населения и успешнее сохраняли и расширяли свои «привилегии». При этом благодаря специфике источников наши знания ограничиваются почти исключительно верхними стратами крымских выходцев. Стоящие на социальной лестнице ниже Чингизидов и верхушки родовой знати с большим трудом вычлняются из сведений дошедших до нас документов.

Ключевые слова: Крымское ханство, Русское государство XV–XVII вв., Гирей, служилые татары.

Следует отметить, что проблема крымских выходцев в Московском государстве XV–XVII в. еще не поднималась в научной литературе. На настоящий момент мы можем отметить только отдельные работы, затрагивающие те или иные аспекты данной проблемы. При этом в своем большинстве исследователи останавливали свое внимание на крымских царях и царевичах [4; 5; 12; 13; 14; 16; 37; 45; 51] и значительно реже на представителях иных групп [3; 48]. При этом внимания исследователей, как правило, удостоивались только наиболее знаковые фигуры. Остальные явно были обделены вниманием. В данной работе автор ставит своей целью обобщить по возможности наиболее полно все накопленные данные. При этом мы предпримем попытку выявить отдельные периоды, на которые можно разбить данное явление. При этом нам сразу же следует оговориться, что в ряде случаев понятие «крымские выходцы» мы вынуждены несколько расширять за счет территорий подконтрольных как Крымскому ханству, так и Стамбулу. Речь идет о Таманском полуострове и г. Азове.

Гирей впервые появились в России в 1479 г., когда в Москву выехали из Литвы два свергнутых крымских царя – Нур-Даулет (Нурдовлат) (? – 1503 г.) и Хайдар (? – после 1486), дети Хаджи-Гирей, а также сыновья Нур-Даулета Бир-Даулет (? – 1480), Сатылган (? – ок. 1506) и Джанай (? – ок. 1512). Бир-Даулет в 1480 г. зарезал некий татарин. Хайдара сослали в Вологду, скорее всего, из-за попытки вести самостоятельную внешнеполитическую игру или за попытку самовольного отъезда. Нур-Даулет, а за ним и его сыновья Сатылган и Джанай, являлись касимовскими «правителями» [16, с. 91–216]. Также в источниках единожды упоминается дочь Нур-Даулета, к которой в 1508 г. безуспешно сватался некий ногайский мирза Абул-Хайр б. Мухаммед-Али [34, с. 71–72]. Русская сторона оставила эту просьбу без внимания.

В Москве в 1480 г. также оказался крымский хан Джанибек (Зенебек), до этого на непродолжительное время захвативший власть в Крыму. Его происхождение окончательно не установлено. В.Д. Смирнов делает осторожное предположение о том, что хан не принадлежал к Чингизидам. Некоторые исследователи считают что Джанибек – племянник Ахмеда, сын Махмуда б. Кучук-Мухаммеда. И. Вашари полагает, что это сын хана Ахмеда б. Кучук-Мухаммеда. Еще в 1475 г. он просился на службу к великому князю, тогда ему отказали. Сделавшись крымским ханом около 1477 г., он посылал в Россию своего человека, узнать: может ли он в случае нужды найти здесь убежище. Иван III не возражал [16, с. 123].

Имеется упоминание о пребывании в это же время в России некоего царевича Мамышека, сына царя Мустафы и брата царевича Мухаммеда (Мамеда), жившего в Крыму. Менгли-Гирей I предлагал Ивану III обмен царевичами с испомещением нововыехавшего в Кашире, где некогда сидел Нур-Даулет [27, с. 489]. Вряд ли данного царевича можно отнести к Гиреям. Скорее всего, это один из астраханских (правильнее большеордынских) царевичей, обосновавшихся в Крыму с углублением кризиса в Большой Орды. Упоминание о нем в России встречаются с 1489 по 1492 гг. [42, с. 76, 79, 151, 167, 209, 230; 23]. В определенном смысле это уникальный случай. Царевич был захвачен людьми великого князя и благополучно отпущен во вояси, пусть и не без участия крымского хана.

Известны многочисленные несостоявшиеся выезды Гиреев. В 1480 г. убежище в Москве предлагалось Менгли-Гирею I б. Хаджи-Гирею [46, №3, с. 2.]. В 1490 г. крымский хан Менгли-Гирей I сообщил Ивану III, что из Турции бежали его брат и племянник Издемир (Уздемир) и Девлеш. Хан предпочитал, чтобы они лучше оказались в Москве, нежели у «извечного врага» в Большой Орде. Царевичи, однако, решили остаться в Литве [37, с. 484; 38, Оп. 1. Кн. 1. Л. 100–100 об.]. В посольских книгах имеется упоминание о том, что Девлеша поляки перехватили, и этот шаг не был по-настоящему добро-

вольным [38, Оп. 1. Кн. 1. Л. 115, 127.]. В 1518/19 г. в Москву безуспешно зазывали двух крымских царевичей – Юсуфа и Геммета, детей Ахмеда б. Менгли-Гирея. При этом Геммету обещали дать Мещеру (Елатьма) или Каширу, или «где пригоже будет» [41, Оп. 1. Д. 1. Л. 111–120; 46, №88, с. 82]. В 1521 г. опасная грамота посылалась Саадет-Гирею б. Менгли-Гирею [46, №94, с. 86; 30]. В 1532 г. царевич Ислам-Гирей б. Мухаммад-Гирей просился в служилые царевичи к Василию III. Но выезд не состоялся. В Крыму на смену хану Саадет-Гирею б. Менгли-Гирею пришел Ислам-Гирей б. Менгли-Гирей. Вскоре его сменил Сахиб-Гирей б. Менгли-Гирей I, бывший казанский хан. Он назначил Ислам-Гирея калгой (должность наследника в Крымском ханстве) [30, с. 60–61, 69]. В 1567 г. Иван IV предлагал крымскому хану Даулет-Гирею I б. Мубарек-Гирею женить сына или внука на родственнице касимовского царя Шах-Али Маги-салтан и взять «в приданое» Касимов [52, с. 172]. В 1572 г. крымской стороне для частичного решения спора о Казани и Астрахани предлагалось поселить в Астрахани царевича – Гирея [18, с. 205].

Имеется информация и о членах дворов Гиреев в России. Осенью 1486 г. Иван III отпустил в Крым некоего «Идикина сына» [42, №16, с. 58]. Осенью 1491 г. упоминаются «люди Нурдоулетовы»: Имень Ази, Ботукуч, Азие Хидырь, Хидырь Алей, Кучмень Байсалтанов сын «с товарищи», посылаемые под Орду [51, с. 302]. В этом же году отмечен как человек Нур-Даулета и некто Мусяк [42, № 29, с. 113]. В 1504 г. упоминается Кадыш Черный, с которым в Крым должны были отправить «кость» Нур-Даулета, а также жену и детей покойного князя Ямадыка и младшего брата Берди улана Али улана [42, №100, с. 545]. В 1509 г. «к царевичю в городок» просился Казы мансур [43, №3, с. 68]. Обязаны мы включить в состав дворов касимовских Гиреев и Шах-Кули сеид Багатура, ставшего родоначальником касимовских сеидов Шакуловых [12, с. 171–172: 11]. Возможно, князья Сеитовы, известные в XVII в. являются крещеной ветвью этого рода.

Отдельно следует сказать о татарах плененных в оршанской битве 1514 г. Среди них известны: князь Мадыхов (Мадыков) сын Сивиндук мирза, Акиш Отмакишов сын, Бузак Шыйков сын, Бахмат Абдулов сын, Яков Иванов сын, Чура Тулушиков сын». К ним же, скорее всего, следует отнести и Будая Кучакова [1, с. 156, 176, 183, 185, 189, 191]. Ключевой фигурой для понимания особенностей данной группы татар является Сивиндюк Мадыков – это, по-видимому шурин крымского царя Нур-Даулета, брат его жены Куратаи Мадыковой. В данном случае для нас важен тот факт, что Сивиндюк мирза не вернулся в Крым вместе со своей сестрой в 1504 г., а остался служить московскому князю. Принимая во внимание высокий статус мирзы, мы вправе предположить, что он обладал собственным военным отрядом независимым от касимовских царей и царевичей. Мирза 24 года провел в плену и умер в 1538 г. в Троках.

К крымским выходцам следует отнести и ногайских мирз, впоследствии князей, Канбаровых (Камбаровых). Канбар Мамалаев, выехал в Россию в самом начале XVI в. Мы видим его впервые в июле 1507 г. в передовом полку в литовском походе. В сентябре 1507 г. Канбар мирза упоминается в передовом полку в походе на «литовские места» с царевичем Шейх-Аулиаром б. Бахтияром [36, с. 38]. В последующем в России известны его сын Магмет (Ак-Мухаммед) и внук Уразлы (Ураз-Али), принявший православие и ставший кн. Иваном Канбаровым (Камбаровым). Они также занимали видное положение в Московском государстве. Кн. Иван Магметев сын Канбаров, умерший по дороге в Польшу во время посольства 1570 г. и, повидимому, не оставил наследников [40, с. 209, 211, 220, 221, 226, 229, 231; 29, с. 94; 19, с. 266–267]. В.В. Трепавлов предполагает следующую их родословную: Ураз-Али б. Ак-Мухаммед б. Канбар б. Мамай б. Мансур б. Эдиге [50, с. 323–324].

Однако следует отметить и то, что существует заметная группа лиц явно татарского происхождения с изначально высоким статусом, которые с крещением стали родоначальниками новых княжеских фамилий. В разрядных книгах отмечено еще два загадочных князя. Мавкин Михаил Умар [36, с. 91, 97, 98, 102, 105, 115, 116], Теукечев Иван Мовкошевич [36, с. 176, 193]. Однако здесь требуются дополнительные исследования. Они могут оказаться и представителями региональной (казанской) знати.

Остановимся чуть подробнее на многочисленных уланах отмечаемых источниками. Во дворе касимовских «правителей» в конце XV – начале XVI в. находился также улан Облаз [31, стб. 202]. Вполне возможно, что в Касимове некоторое время проживал и Курчбулат улан. В 1493 г. он находился в головах у мещерских казаков (людей царя Нур-Даулета?) [42, № 39, с. 176]. В 1502–1504 гг. в Москве в плену находился некий Мамышек улан, брат Абагы улана, взятый в плен вместе с астраханцами людьми московского князя. Крымский хан Менгли-Гирей утверждал, что это его человек и просил отпустить его к себе [42, с. 446–447, 461, 491, 532]. В 1528 г., встречается упоминание Япончи (Еланчи) улана. Тогда он вместе с казанским царем Шах-Али б. Шейх-Аулиаром и его братом, касимовским царевичем Джан-Али б. Шейх-Аулеаром, находился в Вязьме «от литовские украины». Летом 1551 г. вятчане на Каме пленили группу из 46 казанских «уланов и князей» (крымского происхождения?). По именам нам известны двое: Кошак оглан и Барболсун оглан [36, с. 483]. И.В. Зайцев, комментируя эти события, пишет о четырех огланах. Он ошибочно причисляет к ним Торчи князя богатыря и Ишмухамеда Сулешова брата Крымского [24, с. 147]. Все они в конечном счете по приказу Ивана IV были казнены «за их жестосердие». Летом-осенью 1551 г., сопровождали в Москву малолетнего казанского хана Утямиш-Гирея и его мать ханшу Сююн-бике

два сына оглана Кучака и сын оглана Ак-Мухаммеда [32, с. 167–168]. Сын Ак-Мухаммеда проживал в России до 1572 г., когда его отпустили к отцу, являвшемуся лидером казанской эмиграции в Крым. Важно заметить, что сына Ак-Мухаммеда к этому времени уже крестили под именем Федора и титуловали князем. Это, пожалуй, единственный известный пример, когда представителя мусульманской знати, обращенного в православие, отпустили с Руси, не опасаясь того, что в Крыму он может вновь обратиться в ислам. Следует подчеркнуть, что с Крымом оказались связаны почти все огланы/улары фиксируемые на территории русского государства в конце XV – XVI в. Огланы во второй половине XV – первой половине XVI в. являлись представителями дома Джучи, не принадлежавшими к семье правящего хана, мужчины же правящего дома титуловались султанами. Мы можем высказать мнение, что причину появления огланов / уланов как особой социальной группы следует видеть в победе в государствах – наследниках Золотой Орды – династического (семейного) принципа передачи власти над родовым. Данный процесс начался еще в XIV в. и к концу XV в. завершился [8].

Иногда «крымским» царевичем источники называют астраханского царевича Токтамыша. Дело в том, что он некоторое время действительно жил в Крыму. Но по неизвестным причинам вынужден был бежать оттуда в 1565 г. в ногайские степи. Некоторые исследователи утверждают, что причиной этого послужил заговор крымской знати против Девлет-Гирея I. Астраханский царевич должен был занять его место [20, с. 243].

Также следует отметить судьбу Дивея б. Хасана, бия крымских мангытов, плененного в 1572 г. в Молодинской битве. Его сослали в Новгород, где он и умер в плену, не смотря на то, что Бахчисарай делал неоднократные попытки освободить его [49, с. 360–362].

Практически все рассмотренные случаи мы вправе отнести к первому периоду выходов крымских татар на службу в Москву. Он начался в последней четверти XV в. и продлился приблизительно до 30-х гг. XVI в. Для этого времени характерно относительно свободное передвижение крымских выходцев между Москвой и Крымом. Хотя здесь, конечно же, имелись свои ограничения, которых с каждым десятилетием становилось все больше. Постепенно все движения стали возможны только в одну сторону, в Москву. Отсюда же без более чем острой необходимости выпускать никого не собирались. На новой родине крымские выходцы в соответствии со своим статусом в Крыму получали значительное материальное содержание и занимали видное положение. Оно подразумевало пожалование в поместье обширных дворцовых волостей на содержание собственно выехавшему лицу (до 2000 четей) и поместных земель членам их военных отрядов, если подобные имелись. Отдельные представители (как правило, это татарские цари и царевичи) могли получать и доходы с отдельных городов

[10]. Что касается правового статуса, то у крестившихся выходцев он полностью соответствовал русским служилым князьям. Все мирзы автоматически получали с крещением наследственное княжеское достоинство. Ведь они стали полноправными подданными московского государя. У сохранивших верность исламу имелись определенные ограничения. Они не могли стать членами государева двора. А следовательно их карьерный рост был серьезно ограничен.

Статус Чингизидов в России рубежа XV–XVI вв. не оставался неизменным. А.Л. Хорошкевич проанализировала его изменение на примере служилых Гиреев. Выехавший через Литву изгнанный крымский царь Нур-Даулет б. Хаджи-Гирей (1479–1493 гг.), по-видимому, сохранил за собой право свободного отъезда («добровольно приедешь, добровольно куды восхочешь пойти – пойдешь, а нам тебе не держати») и не контролируемой Москвой дипломатической переписки. Право отъезда сохранялось и за представителями его двора. Хотя в реальности данные права, кажется, не были безусловными. В любом случае, они не могли осуществляться самостоятельно и каждый раз требовали подтверждения великого князя. Да и возможностей для отъездов было мало. Гирей и другие знатные крымские татары могли вернуться в ряде случаев в Крым, если этому способствовала политическая обстановка на полуострове, или же отъехать в Литву. В последней было несколько больше свободы, по сравнению с Россией, но материальное и статусное положение Чингизида могло пострадать [54]. В каждом конкретном случае крымские царевичи сами делали свой выбор. Но отсутствие гарантий свободного отъезда, конечно же, сократило число Гиреев, желающих выехать на Русь.

Выезд в Москву предварялся своеобразными приглашениями, «крепкими» или «крепостными» грамотами, в которых великий князь гарантировал Чингизиду безопасность и соответствующий социальный статус. Первоначально инициатива выезда исходила от крымцев. При этом они же порой составляли и присылали образцы грамот, смысл которых заключался в обещании предоставить убежище («опочив») и средства к существованию. В начале XVI в. «крепкие» грамоты заменяются «опасными». Они лишены термина «опочива», зато указывают конкретную форму содержания («и мы тебе ... в своей земле место дадим»), указывающую на держание города. Появляется указание круга лиц, который может выехать с царевичем. Тогда же возникает новый пункт. Василий III обещает «лиха и нечти и силе никоторой никак не быти». Ранее данный пункт встречался в ханских ярлыках, требовавших от представителей своей администрации воздерживаться от подобных действий по отношению к русской церкви, и только к ней. Тем самым постепенно образ хана стал подменяться образом великого князя. Но для того, чтобы данная перемена произошла окончательно, должно было пройти еще немало времени.

Интересную информацию содержит и «данная» грамота царя Абд ал-Латифа 1508 г. Ее получатель предстает в ней в качестве сюзерена. При этом титул великого князя приводится полностью, но одновременно с этим Чингизид назван его братом, а не государем. Мы видим пример постепенного повышения статуса великого князя Московского. Он объявлен равным титулу царя [51, с. 274–288], хотя де-факто татарский царь являлся вассалом. Еще не настало время, когда Чингизид мог восприниматься как холоп русского государя. На дипломатическом языке XV–XVII вв. термин «братства» выражал равноправие государей.

Но грамота Абд ал-Латифа содержит и иную важную информацию о правовом положении Чингизидов в России начала XVI в. Ему запрещалось вести самостоятельную внешнеполитическую деятельность. Вся дипломатическая переписка в обязательном порядке просматривалась в Москве. Оговаривались правила формирования его двора, по которым он мог увеличиваться исключительно за счет нововыезжих татар. Переманивать людей иных служилых Чингизидов или московского государя было запрещено. Впрочем, и Василий III взаимно обязывался не принимать к себе людей царя, за исключением князей из родов аргын, барын, ширин и кипчак. М.Г. Худяков, по каким-то причинам, расценил это упоминание как констатацию права свободного отъезда [52, с. 71]. Очень важно, что пожалование царю не рассматривалось как наследственное. Значительное внимание уделялось проблеме передвижения татарского отряда по территории русского государства и непричинению тягот русскому населению [47, № 26, с. 30–31; 46, № 55, с. 38]. Судебные прерогативы царя не распространялись далее его двора. Положение иных Чингизидов (в том числе и касимовских), пожалованных городами и владевших военными отрядами (дворами) в данное время, судя по всему, было идентичным или же близко описанному.

В рассматриваемый период наличные Гирей прежде всего интересовали Москву как фактор повышающий престиж московского государя и в значительно меньшей степени как инструмент внешнеполитического давления. Нельзя не отметить и военную составляющую присутствия отрядов крымских Чингизидов в России. Крымская конница активно использовалась в войнах, в первую очередь со слабеющей Большой Ордой.

Нельзя не отметить еще одну интересную особенность. Все упомянутые роды, за исключением Шакуловых, по разным причинам пресеклись еще до конца XVI в.

40–70-е гг. XVI в. можно назвать переходным временем. Мы относим его к первому периоду. Хотя в это время от прежних свобод ни осталось и следа, но лица, упомянутые в эти годы, скорее тяготеют к выходцам более раннего времени.

Следующий этап наступил в середине 80-х гг. XVI в. В 1585 г. в России в результате династических распрей оказалась большая группа Гиреев: сыновья Мухаммад-Гирея II б. Даулет-Гирея I хан Саадет-Гирей, русская сторона признавала за Гиреем, удержавшимся на престоле только чуть более двух месяцев, царский титул, (? – 1588 г.), царевичи калга Мурад-Гирей (? – 1591 г.), Сафа-Гирей, а также сыновья Саадет-Гирея Кумо (? – 1591 г.), Бибадша, Девлет, Бахты, Мухаммад и Саламет. При этом Мурад-Гирей, Кумо-Гирей и эпизодически Саадет-Гирей проживали непосредственно в русских городах (Астрахань и Москва). Остальные кочевали в астраханских степях и на Северном Кавказе. Скорее всего, вместе с Саадет-Гиреем здесь же до 1588 г. находились его сыновья Девлет, Бахты, Мухаммад и Саламет. Следует отметить, что они упоминаются всегда по трое: Девлет-Гирей, Бахты-Гирей и Мухаммад-Гирей; в другом месте Девлет-Гирей, Мухаммад-Гирей и Саламет-Гирей [38, Оп. 1. 1590 г. Д. 5. Л. 19, 21; Кн. 18. Л. 111об.–113]. Кумо-Гирей, вероятно, находился на положении заложника в Москве. При дальнейшем анализе крымских посольских документов могут всплыть и иные имена, в частности царевен, информация о которых, как правило, не фиксировалась. Москва пыталась активно использовать Гиреев в своей внешнеполитической игре как на восточном направлении (Большие и Малые Ногаи, Крым, Персия, Турция), так и на западном (Литва). В 1588 г. Сафа-Гирей стал пасынком нового крымского хана Газы-Гирея II, сына Даулет-Гирея I, и вернулся в Крым [38, Оп. 1. Кн. 17. Л. 47 об.–48.]. В 1591 г. в Астрахани умерли царевичи Мурад-Гирей, Кумо-Гирей и одна из жен Мурад-Гирея [1, Оп. 1. Кн. 19. Л. 93; 26, с. 191]. У Саадет-Гирея (впоследствии Мурад-Гирея) известна жена царица Ертуган, дочь бия Малой Ногайской Орды. Она единственная смогла вернуться в Крым в конце 1593 г. [1, Оп. 1. Кн. 20, 21; 32] Между 1591 и 1593 гг. в России умерла дочь Мурад-Гирея и Ертуган, царевна Долга (Волга?). Помимо этого, единожды в 1588 г. в документах упоминается «Алди-Гиреева царевна» [38, Оп. 1. Кн. 18. Л. 284 об.]. Но причина ее выезда и дальнейшая судьба неизвестны.

Следует отметить, что положение детей и внуков Мухаммад-Гирея II в России было несколько отличным от остальных Чингизидов. В частности, они пользовались (точнее многие из них) большим уровнем свободы. Можно предположить, что это было связано с особенностями русско-крымских взаимоотношений того периода. А вот военная составляющая от присутствия отрядов Гиреев в России была скорее только символической.

До нас дошли имена нескольких десятков человек крымских татар из окружения царевичей. Некоторым из них удалось вернуться в Крым в 1594 г. вместе с царицей Ертуган. Другие по неизвестным причинам были задержаны в России [4; 44].

Однако не все крымские выходцы стремились покинуть пределы России. Причины этого, зачастую, скрыты от нас. Но здесь следует помнить, что в рассматриваемое нами время в Крыму шла полномасштабная гражданская война, не обошедшая стороной ни один более или менее заметный род. Убийства и предательства были обычным делом. Поэтому в желании приобрести новую родину, скорее всего, следует видеть страх за свою судьбу в случае возвращения в Крым.

Самыми заметными из оставшихся в Москве следует признать представителей рода Яшлавских (князя Сулешевы русских источников) [17], одной из многочисленных ветвей эля Кипчак. Сулешевы на протяжении XVI–XVII в. являлись одним из наиболее влиятельных крымских родов и постоянными русскими амиатами (доверенные лица среди крымской знати по связям с Москвой). Во время крымского династического кризиса 1584–1588 гг. один из представителей рода, мирза Янша (Янша-паша) оказался в Москве. В Крыму начался очередной династический кризис и мирза, посол в России, решил не рисковать своей жизнью, оставшись на новой родине. Его родословная выглядит следующим образом: Янша-паша – Сулеш (Сулейман-ишан) – Магмедша (Мухаммед-ишан) [17, 26–27, 42]. Осенью 1591 г. мирзу послали в Новгород для участия в шведской компании. Замечателен тот факт, что его имя стоит сразу же за служилыми царевичами. Как и им Янше полагался пристав [36, с. 460]. Известны два его сына Юрий и Василий.

Юрий Яншеевич Сулешов, по-видимому, крестился еще в XVI в. Тогда же его женой стала кабардинская княжна Мария Мамстрюковна Черкасская. После принятия православия, вчерашний мирза стал князем и, судя по всему, получил чин стольника. Однако первое упоминание о его службах относится только к январю 1605 г. [48]. В Смуту князь вначале поддерживал Василия Шуйского, затем входил в состав I и II ополчений, принимал непосредственное участие в ликвидации последствий Смутного времени. Его происхождение, родственные связи и факт принятия православия позволили ему сделать успешную карьеру и удачно местничать с представителями московского боярства [53]. В феврале 1615 г. Ю.Я. Сулешов был пожалован из чашников в бояре [35, с. 312]. В 1618/19–1622/23, 1625/26, 1627/28–1629/30 гг. он возглавлял Сыскной, в 1627/28–1629/30, 1632/33–1633/36 гг. Разбойный, в 1632/33–1633/34 гг. Сбора даточных людей приказы [15, с. 299]. В 1623–1625 гг. выполнял обязанности Тобольского воеводы. Неоднократно становился участником многочисленных дворцовых церемоний. Так в 1634 г. во время поставления патриарха Иосафа Сулешов «водил осляти» под новопоставленным владыкой [48].

Василий Яншеевич Сулешов принял православие уже в правление Михаила Романова. До этого его он, по-видимому, носил имя Маметша (Мухаммед-ишан), как и его прадед. После этого он стал

князем и комнатным стольником. В 1625/26 г. он становится кравчим [35, с. 315]. С этого момента мы видим Василия, в отличие от брата, имевшего богатый военный и административный опыт, исключительно на придворных должностях. От брака с дочерью Ивана Федоровича Басманова, Фетиньей, у Василия Сулешова известно двое сыновей, Иван и Илья Васильевичи, умершие в младенчестве на этом род пресекается [48].

Другим знатным татарским выходцем, попавшим в Россию в 1585 г. стал представитель еще одного влиятельного крымского рода – Кулюковых – стал Пашай мирза Куликов. В России известен его сын Аблай мирза, рожденный от дочери астраханского служилого царевича Абдулы б. Ак-Кобека. В 1619/20 г. Аблай добровольно принял крещение. Теперь он стал стольником, князем Борисом Пашаевичем (Пашаймурзин) Куликовым [39, Оп. 1. 1619 г. Д. 4, 7; 1621 г. Д. 12; 3, Оп. 1. 1622 г. Д. 1, л. 92; 10; 134]. О его жизни нам почти ничего не известно. Помимо сведений о браке князя и размера его земельных владений в Дворцовых разрядах он встречается только один раз. 17 мая 1624 г. он участвует в приеме послов кизылбашского (персидского) шаха Аббаса Русан-бека (Урусан-бек) с товарищами. Находился среди государевых стольников в «белом» платье в малой Золотой палате. Позднее, на пиру, данном в честь послов в Грановитой палате, князь подавал еду на царский стол [21, с. 685, 691]. Это дает нам право предположить, что если бы ни ранняя смерть, то Бориса Куликова ждала бы приблизительно такая же карьера, как и братьев Сулешовых. Здесь следует отметить серьезные изменения в статусе крещеных знатных выходцев. Теперь они покинули статус служилых князей, достаточно почетный, но все же налагавший определенные ограничения, они никогда не попадали в думские чины. Теперь первостепенная крымская выезжая знать очень быстро после принятия православия попадала сначала в московские чины, а затем, при благоприятных обстоятельствах, и в думу.

К рубежу XVI–XVII в. относятся первые сведения о выездах в Москву менее знатных крымских татар. Так при Федоре Ивановиче из Азова выехал некий Кучум с семьей. Его с детьми испоместили в Дорогобуже. Кучум, по-видимому, умер на рубеже XVI–XVII в. А вот его дети приняли непосредственное участие в событиях Смутного времени. Акима (Екима) «польские и литовские люди порубили при боярах под Москвою». Другой брат, Асан, с малолетними детьми и племянниками сидел в осаде в Смоленске, откуда в августе 1613 г. вся семья бежала в полк к боярину воеводе князю Дмитрию Мамстрюковичю Черкасскому. Асана на этот раз испоместили в Суздале. Здесь же на положении кормовых служилых иноземцев жили и его малолетние племянники [39, Оп. 1. 1631. Оп. 1. 1622 г. Д. 4.]. Поздрослев они стали татарскими толмачами Посольского приказа и создали целую династию толмачей Кучумовых [11, с. 148–149]. Мы

подробно остановились на этом случае в первую очередь потому, что подобные примеры, когда судьба «маленького человека» и его семьи дошла до нас более чем не часты.

С завершением Смутного времени второй этап выездов Крымских татар в Россию завершился. Интенсивность выездов значительно сократилась. Мы вправе свести весь период к событиям и последствиям гражданской войны в Крыму второй половины 80-х г. XVI в. Москва была готова к этим процессам. Технология использования крещеных и некрещеных выходцев с Востока к этому времени была полностью отработана. Гирей и знатные крымские мирзы в России рассматривались как марионетки в сложной политической игре, что велась в это время на Северном Кавказе и Причерноморье [4].

Следующий этап относится к периоду после завершения Смутного времени в России. Сведений о выездах в XVII в. не много. Имеется сообщение о несостоявшемся выезде калги

В XVII в. наиболее частым явлением становятся Азовские выходцы. Как правило, они попадали в Россию через Донских казаков, а часто просто брались ими в плен. Вот два примета подобных выходцев за 1646 г. В это время еще продолжалась многолетняя эпопея с попыткой донских казаков установить контроль над устьем Дона [25].

Сын темрюцкого князя Бажука Мундар мирза был пленен в битве на р. Кагальник 4 августа 1646 г. В Москву пленника привезли атаман Наум Васнев с товарищами. Нам практически ничего не известно о мирзе. В деле о его крещении мы узнаем, что пленение данного человека стало заметным явлением в истории азовской эпопеи. Черкеский мирза рассматривался как ценный военный трофей. Его статус в общей иерархии выходцев с Востока был определен даже несколько выше князя Василия Яншеевича Сулешева (Яшлавский). Решившего креститься мирзу 28 февраля 1647 г. отправили под начало в Кремлевский Чудов монастырь. Обряд крещения состоялся в Великий пост, в Лазарево воскресенье (9 апреля 1647 г.). После принятия православия он стал князем Василием Темрюцким. Иногда его именовали князем Черкасским. Князь не был испомещен и ему полагался поденный корм в 50 копеек. Однако вскоре, по его челобитью, была дана прибавка на содержание людей князя Василия. Теперь он стал получать рубль в день [39, Оп. 1. 1647 г. Д. 2, 12.].

Дополнительную информацию о новокрещеном князе нам дают сведения боярских списков. Здесь он, однако, отмечен уже как стольник князь Василий Григорьевич Темрюцкий, умерший в 1654/55 г. [2, с. 307] Смена родового прозвища, судя по всему, произошла из-за князей Черкасских, стремившихся обезопасить свое положение при дворе от возможных посягательств «однофамильцев» в будущем. Причиной смерти, скорее всего, стал мор, свирепствовавший в это время в столице. В таком случае мы вправе предполо-

жить, что князь умер вместе со всей своей семьей. В документах князя Темрюцкие более неизвестны.

Следует отметить, что в Москве всегда привечали знатных иноземных выходцев, в особенности, если те соглашались принять православие. Здесь следует отметить, что в России бытовало представление об истинном православном государе в соответствии с которым таким можно считать того, к кому выезжают представители сопредельных правящих родов [12, с. 382; 33, с. 103, 572, 591, 650, 655]. Как правило, такие выходцы находились в ближайшем окружении царя. Их главной задачей было повышение престижа московского государя.

Второй наш герой, Алей Сковаров, не мог похвастаться родовой истостью. Судя по его расспросным речам [7, с. 100–103], в раннем детстве он оказался пленным в одном из литовских (белорусских) городов и продан турецкому султану. По достижении им определенного возраста он стал сипахом (турецкая тяжелая кавалерия, отсюда и его прозвище – Спагин) и был испомещен в Румелии (территория современной Болгария), где ему выделили поместье с крестьянами (тимар). Около 1644 г. он в составе военного подразделения численностью в 500 человек был переброшен в Азов. Далее развитие событий по разным источникам значительно отличается. Сам Алей пишет, что он «вспамятовал православную христианскую веру, вышел на государево имя, на вечную службу». По логике получается, что он дезертировал из турецкой армии. Однако на Дону Алей якобы рассказывал о том, что, будучи янычаром, он убил (зарезал) другого янычара и по этой причине вынужден был бежать из города. Имеется и еще одна версия. По ней сипах был направлен азовским беєм к донским казакам с сообщением о том, что в этом году в Азове не будут выкупать пленников, захваченных донскими казаками на море. Для этого Алею дали двадцать рублей и ружье. Сам Али в своих расспросных речах отмечал, что сипахи в Азове вооружены луками и ружьем не имеют. На Дону Алей оказался 20 февраля 1647 г. История получается более чем запутанная. Какая из версий более всего соответствует истине судить трудно, конца дела не сохранилось. Следует только отметить, что в восприятии Али на Дону как янычара нет ничего странного. Дело в том, что и сипахи и янычары могли комплектоваться по одним и тем же принципам: девширме – налог кровью с немусульманского населения. Неизвестна и дальнейшая судьба выходца. Мы знаем, что еще до получения отписки белгородского воеводы Али крестили. Теперь он стал Кузьмой. Ему, судя по всему, назначили довольно высокие начальные поместный оклад и денежное жалование. Что ждало его в дальнейшем? Нам видятся два сценария. Кузьма мог стать основателем еще одного дворянского рода (к примеру, Спагины или Шпагины). Но также он мог закончить свою жизнь при разбирательстве на дыбе или же в одной из тюрем Русского севера.

В XVII в. среди крымских выходцев фиксируются почти исключительно не родовитые люди. Они растворялись среди основной массы служилых людей Русского государства и не оказывали какого ни будь заметного влияния на его состав.

Собранные нами материалы не претендуют на полноту. Мы находимся в самом начале исследования такого интересного явления как крымские выходцы в России XV–XVII в. Но уже сейчас мы можем сделать определенные выводы. Выходы с Крымского полуострова ни в коем случае нельзя назвать массовыми. В целом это единичные примеры. Они не оказывали серьезного влияния на развитие военного дела и формирование правящей элиты. Но при этом судьбы многих из известных нам выходцев заслуживают специального исследования из-за их неординарности и необычности судеб.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов А.В., Кром М.М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. М.: Дрвлекранилище, 2002. Вып. 7. С. 149–196.
2. Белоусов М.Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Казань: Институт истории АН РТ. Т. I. 316 с.
3. Беляков А.В. Азовские выходцы 1647 г. (свои среди чужих?) // Границы и пограничье в южнороссийской истории. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2014. С. 96–104.
4. Беляков А.В. Виноградов А.В. Мурад-Гирей – служилый Чингисид в России или претендент на крымский престол? // Тюркологический сборник: 2011–2012: Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М.: Наука; Восточная литература. 2013. С. 11–59.
5. Беляков А.В. Дорога царевича Мурад-Гирея в Астрахань // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия история. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 1. С. 92–97.
6. Беляков А.В. Крещение Чингисидов // Российская история. №. 1. 2011. С. 107–115.
7. Беляков А.В. Крымские выходцы в Касимове сеиды Шакуловы и их архив // V научные чтения памяти У.Боданинского: тезисы докладов и сообщений (Бахчисарай, 23–27 октября 2013 г.). Симферополь: Антиква, 2013. С. 19–20.
8. Беляков А.В. Огланы (улары) в России второй половине XV – XVI века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014 Т. 13. Вып. 8: История. С. 51–56.
9. Беляков А.В. Политика Москвы по заключению браков служилых Чингисидов // Тюркологический сборник: 2007–2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Восточная литература, 2009. С. 35–55.
10. Беляков А.В. Правила пожалования поместными окладами и годовым денежным жалованием Чингисидов в России XVI–XVII вв. // Вестник

Нижегородского государственного университета им. Лобачевского. 2013. №4 Ч. 3. С. 113–116.

11. *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа второй трети XVII в. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001. 407 с.

12. *Беляков А.В.* Чингисиды в России XVI–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: «Рязань. Мир», 2011. 512 с.

13. *Беляков А.В., Виноградов А.В.* «Дело Муслы аталыка». К истории военно-политического противостояния Речи Посполитой, Русского государства и Порты в период династического кризиса в Крыму 1584–1588 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2014. Т. 6. С. 51–62.

14. *Беляков А.В., Виноградов А.В.* «Крымскому юрту учинили шкodu великую!» // Родина. 2014. № 7. С. 126–129.

15. *Богоявленский С.К.* Пиказные судьи XVII века. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1946. 316 с.

16. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1863. Ч. 1. XIII, 558 с.

17. *Виноградов А.В.* Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. // Тюркологический сборник: 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература, 2007. С. 26–73.

18. *Виноградов А.В., Малов А.В.* «Сошлись с ними у Воскресенья в Молодах». Материалы о походе Девлет-Гирея I в Крымской посольской книге 1571–1578 гг. // Единорогъ: Квадрига. М., 2011. Вып. 2. С. 202–253.

19. «Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1547–1572 гг. // Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава: Археографический центр, 1997. Т. II. 330 с.

20. *Гайворонский О.* Повелители двух материков. Киев; Бахчисарай: Оранта, Майстерня книга, 2007. Т. I.: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследие Великой Орды. 368 с.

21. Дворцовые разряды. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1851. Т. II. 496 с.

22. *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2004. 303 с.

23. *Зайцев И.В.* Потомки Чингисхана в Москве и Стамбуле: сравнительный анализ / Чингисиды в России: «золотой род» после падения Золотой орды // Российская история. 2013 №3 С. 23–24.

24. *Зайцев И.В.* Судьба аристократа. Ак-Мухаммед оглан и его сын Федор // Золотоордынское обозрение. 2013. №2. С. 146–157.

25. *Куц О.Ю.* Донское казачество времен Азовской эпопеи 40-х гг. XVII в.: политическая и военная история. М: Старая Басманная, 2014. 596 с.

26. *Лашков Ф.Ф.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI – XVII вв., хранящихся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных дел // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1890. Т. IX. С. 1–47.

27. *Моисеев М.В.* Выезды «татар» и восточная политика России в XVI веке // Иноземцы в России в XV–XVII веках: сб. материалов конф., 2002 – 2004 гг. М.: Дрвлекранилище, 2006. С. 484–504.

28. Некрасов А.М. Женщины ханского дома Гиреев в XV–XVI вв. // Древние государства Восточной Европы за 1998 г. М.: Наука, 2000. С. 213–221.
29. Обзор посольских книг из фондов-коллекций хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начала XVIII в.) М., 1990. 238 с.
30. Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. XIII: Никоновская летопись. 544 с.
31. Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. XIX: Казанский летописец. 328 с.
32. Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2005. Т. 20: Львовская летопись. 704 с.
33. Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. Т. XXI (Книга Степенная царского родства). Ч. 1. 342 с.
34. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995. 360 с.
35. Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 548 с.
36. Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 612 с.
37. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.) Очерки истории. Казань: Татарское книжное издательство, 2009. 207 с.
38. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 123 (Сношения России с Крымом).
39. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 131 (Татарские дела).
40. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 134 (Сношения России с Хивой).
41. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 89 (Сношения России с Турцией).
42. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб.: Типография Ф. Елеонского и К^о, 1884. Т. 41. 631 с.
43. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб.: Товарищество С.П. Яковлева, 1895. Т. 95. 786 с.
44. Селин А.А., Селин А.А. Приезд принца Ганса Датского в Московское государство и Новгородский служилый город в 1602 г. // Единорогъ. М.: Русские Витязи, 2014. Вып. 3. С. 278–349.
45. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. М.: Рубежи XXI. Т. I. 314 с.
46. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1894. Т. V. 202 с.
47. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М.: Типография Селивановского, 1819. Ч. II. 399 с.
48. Таценко С.Н, Шокорев С.Ю. Князья Сулешовы: крымские мурзы на службе у московского государя // Москва-Крым. Историко-публицистический альманах. Вып. 4. М, 2002. С. 39–49.
49. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2002. 752 с.

50. *Трепавлов В.В.* Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир. М., 2003. С. 320–354.

51. *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI в. М. Эдиатор УРСС, 2001. 336 с.

52. *Худяков М.Г.* Очерки истории Крымского ханства. М., 1991. 320 с.

53. *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. хронологический реестр. М.: Археографический центр, 1994. 265 с.

54. *Kuczyński S.* Jaholdai i Jaholdajewicze lenni ksiazeta tatarscy Litwy // Studia z dziejow Europy Wschodniej. Warszawa, 1965. S. 221–226.

Дата поступления статьи

14.09.2015 г.

Сведения об авторе: Беляков Андрей Васильевич – доцент кафедры «Философия, социология и история», Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ), Рязанский филиал (127994, ул. Образцова, 9, стр. 9, Москва, Российская Федерация).

Для цитирования: Беляков А.В. Крымские выходцы в России: служба и правовой статус // Золотоордынское обозрение. 2016. № 1. С. 137–157.

IMMIGRANTS FROM THE CRIMEA IN RUSSIA: EMPLOYMENT AND LEGAL STATUS

Andrey Belyakov

Moscow State University of Railway Engineering (MIIT),
Ryazan branch, Chair of Philosophy, Sociology and History,
9 bld. 9 Obratsova Str., Moscow 127994, Russian Federation
E-mail: feb@ru.ru

The author is attempting to summarize all available information on the Crimean immigrants in the Russian state of the 15th–17th centuries. The article examines immigration processes of the Chinggisids: both the Gerays as well as other branches' representatives, tribal noblemen and the "ordinary" Tatars. The author offers the following periodization of migration: 1) the last quarter of the 15th century – the 1530s; 2) the 1580s – early 17th century; 3) period after the completion of the Time of Troubles. According to the conclusions of the author, compared with migrants from other areas immigrants from the Crimean Khanate more easily integrated into the serving class of the local population and successfully maintained and expanded their "privileges". At the same time, taking into account the specific nature of available sources, our knowledge is limited almost exclusively on the upper strata of the Crimean immigrants. Surviving documents contain very fragmentary information on immigrants who had inferior status in the social hierarchy compared to the Chinggisids or representatives of the clan aristocracy.

Keywords: Crimean Khanate, Russian state in the 15th–17th centuries, Gerays, service-class Tatars.

REFERENCES

1. Antonov A.V., Krom M.M. Spiski russkikh plennykh v Litve pervoy poloviny XVI veka [Lists of Russian Prisoners in Lithuania of the first half the 16th century]. *Arkhiv russkoy istorii* [Archives of the Russian History]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2002, is. 7, pp. 149–196.
2. Belousov M.R. *Boyarskie spiski 1645–1667 gg. kak istoricheskiy istochnik* [The Boyar Lists of 1645–1667 as Historical Sources]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, vol. I. 316 p.
3. Belyakov A.V. Azovskie vykhodtsy 1647 g. (svoi sredi chuzhikh?) [Immigrants from Azov in 1647 (at home among strangers?)]. *Granitsy i pogranich'e v yuzhnorossiyskoy istorii* [Borders and Borderlands in the Southern Russian History]. Rostov-na-Donu, Yuzhnyy Federal University Publ., 2014, pp. 96–104.
4. Belyakov A.V. Vinogradov A.V. Murad-Girey – sluzhilyy Chingisid v Rossii ili pretendent na krymskiy prestol? [Murad Giray: A Serving Chinggisid in Russian or a Contender for the Crimean Throne?]. *Tyurkologicheskiy sbornik: 2011–2012: Politicheskaya i etnokul'turnaya istoriya tyurskikh narodov i gosudarstv* [Turkological Collection 2011–2012: Political and Ethno-Cultural History of the Turkic Peoples and States]. Moscow, Nauka, Vostochnaya literatura Publ., 2013, pp. 11–59.
5. Belyakov A.V. Doroga tsarevicha Murad-Gireya v Astrakhan' [The Way of Prince Murad Giray to Astrakhan]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Proceedings of Saratov University. New series. Series history. International relations]. 2013, vol. 13, is. 1, pp. 92–97.
6. Belyakov A.V. Kreshchenie Chingisidov [Baptism of the Chinggisids]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History]. No. 1, 2011, pp. 107–115.
7. Belyakov A.V. Krymskie vykhodtsy v Kasimove seidy Shakulovy i ikh arkhiv [The Crimean Immigrants in Kasimov: Shakulovs' Seyids and Their Archive]. *V nauchnye chteniya pamyati U.Bodaninskogo: tezisy dokladov i soobshcheniy (Bakhchisaray, 23–27 oktyabrya 2013 g.)* [V Academic Readings in Memoriam of U. Bodaninsky. Theses of reports and communications (Bakhchisaray, 23–27 October 2013)]. Simferopol, Antikva, 2013, pp. 19–20.
8. Belyakov A.V. Oglany (ulany) v Rossii vtoroy polovine XV–XVI veka [Oglans (Ulans) in Russia in the second half of the 15th–16th centuries]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2014, vol. 13. Is. 8: Istoriya, pp. 51–56.
9. Belyakov A.V. Politika Moskvy po zaklyucheniyu brakov sluzhilykh Chingisidov [Moscow's Policy on Conclusion of Marriages of the Chinggisid Servicemen]. *Tyurkologicheskiy sbornik: 2007–2008: istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Rossii i sopredel'nykh stran* [Turkological Collection 2007–2008: History and Culture of the Turkic Peoples of Russia and Neighboring Countries]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2009, pp. 35–55.

10. Belyakov A.V. Pravila pozhalovaniya pomestnymi okladami i godovym denezhnym zhalovaniem Chingisidov v Rossii XVI–XVII vv. [Terms of Awards with Manor Salaries and Annual Cash Salaries of the Chinggisids in Russia of the 16th–17th centuries]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod]. 2013, no. 4, part. 3, pp. 113–116.
11. Belyakov A.V. *Sluzhashchie Posol'skogo prikaza vtoroy treti XVII v. Diss. ... kand. ist. nauk* [Employees of Ambassadors Order of the second third of the 17th century. Dissertation for the degree of the Candidate of Historical Studies]. Moscow, 2001. 407 p.
12. Belyakov A.V. *Chingisidy v Rossi XVI–XVII vekov: prosopograficheskoe issledovanie* [The Chinggisids in Russia in the 16th–17th centuries: A Prosopographical Study]. Ryazan, Ryazan. Mir, 2011. 512 p.
13. Belyakov A.V., Vinogradov A.V. «Delo Musly atalyka». K istorii voenno-politicheskogo protivostoyaniya Rechi Pospolitoy, Russkogo gosudarstva i Porty v period dinasticheskogo krizisa v Krymu 1584–1588 gg. [“Case of Musla Atalyk”. On the History of Military and Political Confrontation between the Rzeczpospolita, Russian State and Port during the Dynastic Crisis in the Crimea in 1584–1588]. *Srednevekovyye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turko-Tatar States]. Kazan, 2014, vol. 6, pp. 51–62.
14. Belyakov A.V., Vinogradov A.V. «Krymskomu yurtu uchinili shkodnu velikuyu!» [“They Have Caused Great Harm to the Crimean Yurt!”]. *Rodina* [Motherland]. 2014, no. 7, pp. 126–129.
15. Bogoyavlenskiy S.K. *Prikaznye sud'i XVII veka* [Mandative Judges of the 17th century]. Moscow, Leningrad Akademiya Nauk SSSR Publ., 1946. 316 p.
16. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [Study on the Kasimov Tsars and Princes]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy akademii Nauk Publ., 1863, ch. 1, XIII, 558 p.
17. Vinogradov A.V. Rod Sulesha vo vneshney politike Krymskogo khanstva vtoroy poloviny XVI v. [The Sulesh Clan in the Foreign Policy of the Crimean Khanate of the second half of the 16th century]. *Tyurkologicheskiy sbornik: 2005: Tyurkskie narody Rossii i Velikoy stepi* [Turkological Collection 2005: The Turkic Peoples of Russia and the Great Steppe]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2007, pp. 26–73.
18. Vinogradov A.V., Malov A.V. «Soshlis' s nimi u Voskresen'ya v Molodekh». Materialy o pokhode Devlet-Gireya I v Krymskoy posol'skoy knige 1571–1578 gg. [“They Battled with Them on Sunday in Molodi”. Materials on the Campaign of Devlet Giray I in the Crimean Ambassadorial Book of 1571–1578]. *Edinorog': Kvadriga* [Unicorn: Quadriga]. Moscow, 2011, is. 2, pp. 202–253.
19. «Vypiska iz posol'skikh knig» o snosheniyakh Rossiyskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim za 1547–1572 gg. [“Extract from Ambassadorial Books” about Relations between the Russian and the Polish-Lithuanian States in 1547–1572]. *Pamyatniki istorii Vostochnoy Evropy* [Written Monuments of the Eastern European History]. Moscow, Varshava, Arkheograficheskiy tsentr, 1997. Vol. II. 330 p.
20. Gayvoronskiy O. *Poveliteli dvukh materikov*. Vol. I. *Krymskie khany XV–XVI stoletiy i bor'ba za nasledie Velikoy Ordy* [Masters of the Two Continents. Vol. 1. The Crimean Khans of the 15th–16th centuries and the Struggle for

the Great Horde Legacy]. Kiev; Bakhchisaray: Oranta, Maysternya kniga, 2007. 368 p.

21. *Dvortsovye razryady* [Palatine Ranks]. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1851. Vol. II. 496 p.

22. Zaytsev I.V. *Astrakhanskoe khanstvo* [The Astrakhan Khanate]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2004. 303 p.

23. Zaytsev I.V. Potomki Chingiskhana v Moskve i Stambule: sravnitel'nyy analiz. Chingisidy v Rossii: «zolotoy rod» posle padeniya Zolotoy ordy [Descendants of Chinggis Khan in Moscow and Istanbul: Comparative Analysis / The Chinggisids in Russia: The “Golden Clan” after the Fall of the Golden Horde]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History]. 2013, no. 3, pp. 23–24.

24. Zaytsev I.V. Sud'ba aristokrata. Ak-Mukhammed oglan i ego syn Fedor [Destiny of a Nobleman: Aq-Muhammad-oglan and His Son Fedor]. *Golden Horde Review*, 2013, no. 2, pp. 146–157.

25. Kuts O.Yu. *Donskoe kazachestvo vremen Azovskoy epopei 40-kh gg. XVII v.: politicheskaya i voennaya istoriya* [The Don Cossacks during the Azov Epic Period of the 1640s: Political and Military History]. Moscow, Staraya Basmannaya, 2014. 596 p.

26. Lashkov F.F. Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Krymskogo khanstva s Moskovskim gosudarstvom v XVI–XVII vv., khranyashchikhsya v Moskovskom Glavnom Arkhive Ministerstva Inostrannykh del [Monuments of Diplomatic Relations of the Crimean Khanate with Moscow in the 16th–17th centuries Preserved in the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Tauride Academic Archival Commission]. Simferopol, 1890, vol. IX, pp. 1–47.

27. Moiseev M.V. Vyezdy «tatar» i vostochnaya politika Rossii v XVI veke [Migration of the “Tatars” and Oriental Policy of Russia in the 16th century]. *Inozemtsy v Rossii v XV–XVII vekakh: sb. materialov konf., 2002–2004 gg.* [Foreigners in Russia in the 15th–17th centuries. Proceedings of the Conferences, 2002–2004]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2006, pp. 484–504.

28. Nekrasov A.M. Zhenshchiny khanskogo doma Gireev v XV–XVI vv. [Women of the Khan's House of Girays in the 15th–16th centuries]. *Drevnie gosudarstva Vostochnoy Evropy za 1998 g.* [The Ancient States of Eastern Europe for 1998]. Moscow, Nauka Publ., 2000, pp. 213–221.

29. *Obzor posol'skikh knig iz fondov-kollektsiy khranyashchikhsya v TsGADA (konets XV – nachala XVIII v.)* [An Overview of Ambassadorial Books from the Collections-Funds Preserved in the Central State Archive of Ancient Documents (the end of the 15th – beginning of the 18th centuries)]. Moscow, 1990. 238 p.

30. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. XIII: Nikonovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XIII. The Nikon Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 544 p.

31. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. XIX: Kazanskiy letopisets* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XIX. The Kazan Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 328 p.

32. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. XX: L'vovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XX. The Lvov Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2005. 704 p.

33. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. XXI (Kniga Stepennaya tsarskogo rodstva)* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XXI. (The Book of Royal Degrees)]. Ch. 1. St. Petersburg, Tipografiya M. A. Aleksandrova, 1908. 342 p.

34. *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy. 1489–1549 gg.* [Ambassadorial Books on Relations between Russia and the Nogay Horde. 1489–1549]. Makhachkala, Dagestanskoe knizhnoe Publ., 1995. 360 p.

35. *Pravyashchaya elita Russkogo gosudarstva IX – nachala XVIII v.: Ocherki istorii* [Ruling Elite of the Russian State of the 9th – early 18th centuries: Essays on the History]. Otv. Red. A.P. Pavlov. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2006. 548 p.

36. *Razryadnaya kniga 1475–1598 gg.* [The Ranking Book of 1475–1598]. Moscow, Nauka, 1966. 612 p.

37. Rakhimzyanov B.R. *Kasimovskoe khanstvo (1445–1552 gg.) Ocherki istorii* [The Kasimov Khanate (1445–1552). Essays on the History]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2009. 207 p.

38. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F. 123 (Snosheniya Rossii s Krymom)* [Russian State Archive of Ancient Documents. F. 123 (Russian Relations with the Crimea)].

39. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F. 131 (Tatarskie dela)* [Russian State Archive of Ancient Documents. F. 131 (The Tatar Affairs)].

40. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F. 134 (Snosheniya Rossii s Khivoy)* [Russian State Archive of Ancient Documents. F. 134 (Russian Relations with Khiva)].

41. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F. 89 (Snosheniya Rossii s Turtsiey)* [Russian State Archive of Ancient Documents. F. 89 (Russian Relations with Turkey)].

42. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. St. Petersburg, Tipografiya F. Eleonskogo i Ko, 1884. Vol. 41. 631 p.

43. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. St. Petersburg, Tovari-shestvo S.P. Yakovleva, 1895. Vol. 95. 786 p.

44. Selie A.A. Selin A.A. *Priezd printsa Gansa Datskogo v Moskovskoe gosudarstvo i Novgorodskiy sluzhilyy gorod v 1602 g.* [The Arrival of Prince Hans of Denmark in Muscovy and the Novgorodian Serving Town in 1602]. *Edinorog* [Unicorn]. Moscow, Russkie Vityazi, 2014, is. 3, pp. 278–349.

45. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhoventvom Otomanskoy Porty* [The Crimean Khanate under the Suzerainty of the Ottoman Porte]. Moscow, Rubezhi XXI, vol. I. 314 p.

46. *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del* [Collection of State Charters and Treaties Preserved in the State College of Foreign Affairs]. Moscow, Tipografiya E. Lisnera i Yu. Romana, 1894. Vol. V. 202 p.

47. *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del* [Collection of State Charters and Treaties Preserved in the State College of Foreign Affairs]. Moscow, Tipografiya Selivanovskogo, 1819. Ch. II. 399 p.

48. Tatsenko S.N, Shokorev S.Yu. Knyaz'ya Suleshovы: krymskie murzy na sluzhbe u moskovskogo gosudarya [The Princes Suleshovs: The Crimean Murzas in the Service of the Moscow State]. *Moskva–Krym. Istoriko-publitsisticheskiy al'manakh* [Moscow–Crimea. Historical and Publicistical Almanac]. Is. 4. Moscow, 2002, pp. 39–49.
49. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of the Nogay Horde]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2002. 752 p.
50. Trepavlov V.V. Rossiyskie knyazheskie rody nogayskogo proiskhozhdeniya (genealogicheskie istoki i rannaya istoriya) [Russian Princely Houses of the Nogay Origin]. *Tyurkologicheskiy sbornik: 2002: Rossiya i tyurkskiy mir* [Turkological Collection 2002: Russia and the Turkic World]. Moscow, 2003, pp. 320–354.
51. Khoroshkevich A.L. *Rus' i Krym: Ot soyuza k protivostoyaniyu. Konets XV – nachalo XVI v.* [Russia and the Crimea: From Union to Confrontation. The end of the 15th – beginning of the 16th centuries]. Moscow, Ediator URSS, 2001. 336 p.
52. Khudyakov M.G. *Ocherki istorii Krymskogo khanstva* [Essays on the History of the Crimean Khanate]. Moscow, 1991. 320 p.
53. Eskin Yu.M. *Mestnichestvo v Rossii XVI–XVII vv. khronologicheskiy reestr* [Mestnichestvo in Russia of the 16th–17th centuries: A Chronological Registry]. Moscow, Arkheograficheskiy tsentr. 1994. 265 p.
54. Kuczynski S. Jaholdai i Jaholdajewicze lenni ksiazeta tatarscy Litwy. *Studia z dziejow Europy Wschodniej*. Warszawa, 1965, pp. 221–226.

Received September 14, 2015

About the author: Belyakov Andrey Vasil'evich – Cand. Sci. (History), Assistant Professor, Chair of Philosophy, Sociology and History, Moscow State University of Railway Engineering (MIIT), Ryazan branch (9 bld. 9 Obratsova Str., Moscow 127994, Russian Federation).

For citation: Belyakov A.V. Immigrants from the Crimea in Russia: Employment and Legal Status. *Golden Horde Review*, 2016, no. 1, pp. 137–157.